

Россия и «все передумывая снова» | Russia and Rethinking Everything

Автор: Дэниэл Уорнер (пер. Н. Сикорской), [Москва-Женева](#) , 23.11.2017.

В этом скромном здании располагается Институт Европы РАН

Наш постоянный блоггер побывал в Москве, на конференции "Настоящее и будущее Европы", посвященной 30-летию Института Европы Российской Академии наук. И поделился впечатлениями.

The permanent blogger of Nasha Gazeta went to Moscow to attend a conference "Present and Future of Europe" dedicated to the 30th anniversary of the Russian Academy of Sciences' Institute of Europe and shared his impressions.

Russia and Rethinking Everything

«Передумайте все заново», - призывает почтенный швейцарский банк Ломбар Одье. В гуще демонизации Западом Российской Федерации, обвиняемой во всем – от подрыва избирательной кампании до поддержки военного преступника Башара Асада, мне представилась возможность принять участие в прошедшей в Москве конференции политической элиты. Это была возможность своими глазами увидеть, как воспринимает ситуацию Россия, вместо того, чтобы ежедневно выслушивать сарказмы и резкую критику по поводу авторитарности Путина и уничтожения им либерализма. Приятно было оторваться от Трампа, Вайнштейна, Мура и Франкена и послушать иные рассуждения о серьезной политике.

В фокусе конференции были отношения между Россией и Европой, но большинство выступлений касались более широкой темы – роли России в мире. Как сказал бывший итальянский министр, «Россия – незаменимая страна» для решения таких проблем, как сирийский кризис, Украина и даже ракетная программа Северной Кореи.

В целом язык российских участников явно был языком эпохи холодной войны, с США в качестве очевидного врага и с вероятностью противостояния западному доминированию альянса между Россией и Китаем. («Будут ли в будущем все дороги вести в Пекин?», таким был самый пронизательный вопрос, заданный одним бывшим послом и намекавший на будущую Китайскую империю наподобие Римской.) Привычные, но важные аргументы были высказаны по поводу Косово как прецедента для изменения границ в Европе после Хельсинских соглашений и напряжения на периферии России – в Абхазии, Осетии и Крыму.

В выступлениях и дискуссиях явно слышалась не только ностальгия по величию России и биполярному миру холодной войны (когда СССР был на равных с США), но и ностальгия по геополитике. То, что Крым – естественная часть России, представлялось как данность. В конце концов, только тот факт, что в 1954 году Хрущев подарил его Украине, нарушил историческое место Крыма как части России. Как данность подавалось и то, что население восточной Украины должно иметь право хотя бы на автономию, основанную на его исторических связях с Россией, что войну 2008 года начала Грузия и что экспансия НАТО на восток угрожает безопасности России.

Акцент на геополитику, напомнил я аудитории, отсылает нас к британскому теоретику Хэлфорду Маккиндеру и началу 20 века, когда контроль над территориями был главнейшей задачей. Не нужно ли обновить геополитику 21 века? Как насчет хронополитики и концепции неотделимости времени от пространства? Вместо того, чтобы рассуждать о том, кто контролирует территорию на востоке Украины, не стоит ли поговорить о том, кто контролирует интернет? Вместо разговоров о том, сколько танков смотрят друг на друга на Донбассе, не лучше ли поговорить о кибервойне и управлении восприятием? Вместо того, чтобы влезать в международное соревнование вокруг нефтепроводов, не лучше ли наладить сотрудничество для сокращения катастрофических последствий выбросов углекислого газа и климатических изменений или против угроз, представляемых эпидемиями глобальной безопасности в сфере здоровья?

Среди обсуждавшихся тем также отсутствовала экономика, за исключением цен на газ, падение которых естественно негативно отразилось на российской экономике. Не шла речь и о растущем значении таких частных компаний, как Google, Apple, Facebook, Amazon и даже Alibaba. Конечно, это может быть объяснено

доминированием государственных предприятий в России, но выявило недостаточное признание возросшей роли частного сектора во всем мире.

Как объяснить ностальгию по геополитике и неспособность взять в расчет хронополитику или эконополитику? После конференции один мой российский знакомый прислал мне статью, в которой делается попытка представить российскую точку зрения. Ее автор, американский профессор Кит Дарден, пишет: «В течение 25 лет с конца холодной войны Россия развивалась в эру беспрецедентной американской мощи. Мощь не обязательно означает угрозу, но лишь редкие государства не находят превосходство мощи угрожающим. И в течение последних 25 лет, и особенно после бомбежек Югославии НАТО в 1999 году, американская мощь и влияние стали восприниматься в России, как многоликая западная угроза. Российские ограничения деятельности гражданского общества и неправительственных организаций, иностранной помощи, СМИ, и контроль стратегических объектов экономики ... оправдывались потребностью во внутреннем равновесии против внешней западной угрозы.»

Разница между геополитическим соревнованием и глобальным сотрудничеством в конце концов сводится к восприятию и взаимному доверию. Многие из выступавших на конференции сожалели о нехватке серьезного диалога между российской элитой и администрацией Трампа. И, полезно заметить, подобные комментарии принадлежат руководителям Института США и Канады, основатель которого, Георгий Арбатов, в свое время восхищал меня своими рассказами о том, как он регулярно общался с такими американскими дипломатами, как Аверрел Гарриман, даже в разгар холодной войны. Помимо афишируемого стремления к взаимному уничтожению существовал и не афишируемый диалог.

Поэтому вопрос в том, как восстановить доверие. Как инициировать меры, направленные на построение доверия, когда весь официальный дискурс сводится к демонизации? Госдепартамент США оставлен в стороне, многие опытные эксперты уже не активны. Новое поколение американских дипломатов свободнее владеет арабским или китайским языками, чем русским. Такие традиционные места подготовки экспертов по России, как Институт Гарримана в Колумбийском университете или Центр Дэвиса в Гарварде, утратили свой престиж.

Провозглашение «конца истории» и продвижение демократии были частью западной эйфории после исторического 1989 года. На фоне триумфализма, мало внимания было уделено взгляду на распад СССР с российской точки зрения. В грубом мире регби победители и побежденные идут после матча в паб, чтобы вместе выпить. В конце холодной войны победители забыли уроки Первой мировой войны и жесткость Версальского договора и начали трубить о своей победе. Однополярный мир после 1989 года стал верхом американской самоуверенности, и наступивший холодный мир не должен был никого удивить. Как замечает Дарден: «Первичным эффектом мускульного либерализма может стать обратная реакция».

Так что же нужно сделать для восстановления доверия? Может быть, новый слоган банка Ломбар Ожье полезен. «Передумайте все заново» может означать, что вместо «мускульного либерализма» может быть полезна та или иная форма взаимного понимания разных историй. Возможно, отличная от доминирующего триумфализма, более спокойная позиция по вопросу раздела власти в меньшей мере спровоцирует антагонизм. Как минимум, просто прислушивание друг к другу и попытка понять были бы хорошим началом. Демонизация и постоянная критика точно не

способствуют продвижению вперед.

[Россия](#)

[российско-швейцарские отношения](#)

Source URL: *<http://www.nashagazeta.ch/news/politique/rossiya-i-vse-peredumyvaya-snova>*